

Военный дневник

[Андрей Салий, студент группы БФ-27а]

#16-17 от 24.06.2010

Жил я в среднем таком городе. Вокзал, гостиница, пара кафешек и тоска по выходным. Все друг друга знали, если не напрямую, то через общих знакомых уж точно.

Моя квартира находилась в двухэтажке красного кирпича. 8 квартир, 5 семей, один алкоголик, одна квартира посещалась хозяевами раз в 3–4 месяца. В последней жила бабушка Света.

Одинокая, но бодрая и активная на свои 85 лет. Она не «доживала», как большинство пенсионеров, нет! Она жила, был в ней такой огонек жизни, который сразу видно в глазах человека. Всегда соглашалась присмотреть за маленькими Сережкой и Лилей из 6-й квартиры или Владиком из 3-й.

Я с ней почти не общался. В свои 17 и ее 85 я мало видел общих тем и точек соприкосновения. Неизменные приветствия и поздравления на праздники составляли наше общение.

Гораздо лучше я узнал, что за человек бабушка Света, когда она умерла.

Однажды утром (наши двери напротив ее квартиры) к нам постучали. Какой-то человек из администрации хотел «поздравить Светлану Филипповну с Днем медработника. И вот уже третий день не могу застать ее дома. На звонки и стук в дверь никто не отвечает. Может, уехала куда? Вы не знаете, где она может быть?»

«Нет, не знаю. Мам, пап, вы бабушку Свету давно видели?»

«Да дня 3–4 назад, а что?»

Спросили соседей – нет, не знаем, не видели. «К ней кто приходил?» – «Да нет у нее никого. Одинокое живет». Давай названивать и стучать – глухо. Ну, нет и нет, мало ли. Поудивлялись, да разошлись.

А на следующий день горадминистрация квартиру вскрыла и бабушку Свету нашла. Как установил врач, «умерла во сне 4 дня назад. Тихо и без боли». Квартиру опечатали и, по словам того же мужичка из администрации, «ведется поиск хоть каких-нибудь родственников».

Тема обсасывалась городскими кумушками 3 дня, а на четвертый квартиру вскрыли повторно. Но теперь ночью и воры.

В половине 7-го утра я, выйдя выгуливать любимого лабрадора Черчилля, оказался первым свидетелем ограбления. Дверь напротив нараспашку, а вперед по коридору – жуткий бардак.

«Ничего себе сходил за хлебом» – невесело промелькнула фраза из «Ералаша».

Чем же могли поживиться в квартире одинокой пенсионерки? Любопытство, страх, опасение быть найденным на месте преступления и предвкушение приключения залили мозг такой гремучей смесью гормонов, что устоять не было сил.

Черчилль отправился домой, я же пошел вперед – в квартиру.

Коридор, зал – вот здесь на тумбочке стоял телевизор – четыре чистых кругляша на ровном покрове пыли. Вывернутые ящики, несколько пустых коробков из-под медалей на столе. На стене выгоревший отпечаток висевшего радио. Что еще вынесли, среди всеобщего бедлама, определить было трудно. Но это меня уже не интересовало. Внимание привлекла горка вещей, вершину которой венчала старая-престарая тетрадь: истертые, с пожелтевшими от времени страницами, в обтрепанной и местами потрескавшейся обложке коричневой кожи.

Я уже собирался открыть, даже пальцы коснулись обложки, но за окном грохнул на стыке трамвай, и реальность напомнила мне, где я.

Тетрадь спрятана за пазуху и я, опять с Черчиллем на поводке, пошел в ближайший парк. Сел на скамейку в глубине. Черчилля вообще спустил с поводка, что случилось крайне редко. Он даже онемел на первые 3 секунды. Потом с радостным лаем унесся исследовать окрестности.

С чувством голодного мальчишки, наконец умыкнувшего тарелку супа, и оставив весь мир где-то там, за кадром, я перевернул первую страницу. В руках у меня оказался дневник. Первая запись датировалась февралем 42-го года.

12. 02. 42

«Я теперь человек военный и потому решила, что могу вести дневник. Мне наконец 18, и я еще со вчера в госпитале – помощница медсестры.

Сколько раненых! Все везут и везут. Хирурги не справляются. Медсестры по 2-е суток на ногах. Я вот 5 минут для дневника урвала. Сергей Петрович (главный хирург здесь) – такой человек хороший! Нашел даже время со мной перемолвиться. Спрашивал, отчего в тылу не осталась. Ну, я ему все и рассказала. Что трое братьев воюют. Родители померли, дома никого. Что ж я, останусь? А лечить сызмальства любила, вот в медсестры и подалась. Все, вон еще 2 грузовика подъезжают. Жуть, крики аж сюда слышно!»

Значит у нее есть братья! Живы ли они? Чем занимаются? А если живы, то почему ни разу не приехали к сестре погостить?

Буду читать дальше, что еще я узнаю?

20. 02. 42

«Переезжаем на новое место. Лейтенант приходил, сказал немец прет, мама не горюй. Так что 3 дня назад начали собираться. Сколько всего! Инструменты, лекарства, вещи, за всем уследить нужно! Солдатикам многим и вставить-то еще нельзя, а всё рвутся хоть в чем-то подсобить.

Есть тут один, Витей зовут. Привезли его 2 недели назад – правую ногу осколком перебило. Олег Павлович (тоже хирург) все сделал и Вите пообещал, мол, заживет так, что и не вспомнит. Но прописал строгий (!) постельный режим, чтоб, значит, выздоравливал быстрее.

Но как только Виктор прознал о переезде, взял костыли у соседа и заявил, что будет помогать носить вещи. На ноги встать не может, а туда же! Ох, и Витя».

02. 03. 42

«Пришел треугольничек от Коли. Так непривычно смотреть на письма-треугольники.

Коленька теперь командир танка, а ведь уходил на фронт рядовым! Нужно будет Саше с Лешей написать, пусть за старшего брата тоже порадуются. Коля пишет: у них во взводе есть еще один Полевой Н.Ф., только того зовут Никита Федорович, а вот инициалы те же самые.

Весна начинает потихоньку входить в свои права. Вчера капель началась... Ручьи, речечки и роднички избороздили снег руслами, птицы заливаются, не иначе молчали всю зиму – готовились. Щебет на весь лес стоит.

Нужно еще закончить письма Леше и Саше – оба в пехоте, Сашка писал, скоро у них вроде бои пойдут. Как он там? Как вообще мои братья где-то там? О чем думают?

Черт, кричат «Тревога!», заканчиваю».

05. 03. 42

«Тревогу тогда подняли из-за «Мессершмиттов». Я б насчитала. Наши им дали жару – 4-х в воздухе взорвали, а один подбили, так он где-то в лесу за нами грохнулся. Туда сразу опергруппа пошла, еще и особист с ними. Говорили, вроде немца живым взяли.

Вот пишу, и так мне хочется, чтоб все: и Коля, и Лешка с Сашкой живы остались. Сядем потом, после войны, и будем друг другу рассказывать, что у кого как было».

17. 03. 42

«У нас в госпитале такой мальчонка появился! Сам скуластенький, а глаза синие-синие. Игорем зовут, лет 14. Шebutной, озорства на троих хватает. Жаль только, что без руки – в прошлом году миной левую искромсало, так ее ампутировали. А к нам сейчас с ногой попал – где поранил, молчит почище партизана. Все отшучивается: «С немцами шнапс не поделили». Он к Вите привязался – вместе до отбоя сидят, говорят о чем-то... Виктору веселей, говорит: «У меня товарищ по несчастью появился». Их остальные «костыльными» кличут. А они улыбаются в ответ: говорят, мы к маю танцевать будем – закачаесть!»

У нас перед окопами целое цветочное поле! Метров 300 – вроде и рядом, а не сбегаешь.

Там и мин хватает, да и немцы не дремлют: по десять раз на дню пули свистят».

21. 03. 42

«Коля написал, что их батальон перебрасывают ближе к нам. Вроде расстояние километров 100 по ширине фронта. Вот бы все так и получилось. Увидеться бы... С 30 июня 41-го его не видела. Уж год скоро. Какой он сейчас? Изменился, наверное, посуровел. Взгляд, точно, другой стал. На мужчин война вообще так действует! Все нутро переплавляет. Уходит парень молодой, жизни полон, будто молодое поле весной. А уже через месяц там выжженное пепелище, измочаленный огнем пустырь. И не знаешь, вырастет ли там когда еще что-нибудь?».

06. 04. 42

«Коля пишет, что его дивизия уже в пути. Сашка с Лешкой тоже прислали по письму, по слухам, их тоже собираются передислоцировать. Что-то готовится, я прям чувствую. На душе неспокойно. Этот их переезд внезапный – всех троих и почти одновременно?

Страшно...

У нас еще вот медсестер не хватает, я уже неделю, как сама на операциях помогаю.

И все ж небольшая радость есть – Игорек уже почти сам ходит».

10. 04. 42

«Вчера Сашка написал – их дивизия километрах в 70 от нас. А лазарет один, так что всех раненых к нам везти будут. А вдруг его увижу среди раненых? Поберегся бы...

Игорек-то погиб – хотел медсестер порадовать. На том поле перед нами цветов расцвело видимо-невидимо. Так этот смельчак уговорил часового – быстренько туда и обратно слазить, букет нарвать, да девчонок наших обрадовать. Шел уже обратно, с охапкой, и на мину попал. Так жутко получилось: крик, взрыв, столб огня с дымом, а сверху цветы осыпаются, будто на могилу сразу... А в могилу-то и класть нечего. Ничего не осталось... Только память наша хранит веселого паренька Игоря...

Еще и часовой под трибунал пошел. Нет места счастью на войне...»

14. 04. 42

«Все, все мы здесь.

В лазарет еще 3 грузовика раненых привезли. Все солдаты из соединений братьев: 44-й мотострелковой дивизии, 231-й танковой бригады и 76-го пехотного батальона.

Поговаривают, наступление готовится. Только б мои все уцелели, только б живы остались!»

22. 04. 42

«Стрельба идет полным ходом. Уже третьи сутки головы не поднимаем. Раненых везут и везут: и пехота, и танкисты, и артиллерия с летчиками.

Сегодня же, часов через 5.

Нашла Коленку среди раненых! По шраму нашла. В 12 лет как поранил руку в кузнице – подковой ожгло, самым краем, но уж до мяса. Вот полоска и осталась, и сослужила добрую службу. Весь в бинтах: в танке, говорят, обгорел. Сам без сознания, только глаза под веками ни на секунду не успокаиваются: вздрагивают, мечутся... Сердце за него болит».

23. 04. 42

«Не приходит в себя Коля, ох, нехорошо. Только глаза летают туда-сюда, да стонет так, что у меня сердце обрывается. Я б и рада его боль себе взять, хоть частичку, да не могу! И помочь чем, не знаю! По щекам слезы от бессилия катятся».

25. 04. 42

«Коля, Коленька, Николай, братик мой старший... Умер. Так в себя и не пришел. Не узнал он, что я рядом была...

Старший ты наш. Отца нам заменил. Все и взрослые уже, а всегда к тебе за советом или помощью шли. Опоры в жизни не стало. Сразу такой беззащитной и беспомощной себя почувствовала... Как же мы дальше-то теперь, без тебя? А братьям как сказать?

А бои заканчиваться и не думали. Стрельба сутки напролет. Мне тут лейтенант из лазарета (плечо разворочено у него) рассказал, наши в плен попали. А там же Лешка где-то! Что с ним теперь будет? Только б жив остался! Коли нет уже... Смертей вокруг не счесть. Но Лешка должен выжить! Я в это верю всей душой.

Люда прибежала, говорит, новую партию привезли, бежать нужно».

28. 04. 42

«Вышла за госпиталь бинты стирать вчера. А там возле забора, в самом конце двора – муравейник развороченный. Так они бегают, суется, восстанавливают всё, как

заведенные. Еще и сегодня на минутку сбегала на них взглянуть – работают, чинят, строят заново. И нет им дела до лазарета, солдатиков, атак, да и до войны вообще. Живут себе и не гадают: «Доживу ли до завтра?»

Вот представлю на секунду, что завтра – все, нет меня на белом свете, и аж в глазах темнеет. Сколько еще всего не сделано! Сколько не сказано, не прочитано, да вообще, не прожито!

Жизнь так многообразна! Она и бьет нещадно временами, но и такое счастье дарит!

Радоваться можно миллионом способов. Нужно только жить.

А ужас войны не только в уничтожении. Война отнимает возможность счастья. И даже если тело война пощадит, то душу она исковеркала, искромсала до крови. Сколько таких я уже видела! Только 20 минуло, руки-ноги целые, и улыбается вроде, а в глазах – пусто, глухо, мертво. Душа на ошметки изорвана. Живой человек перед тобой, а с манекеном спутать можно».

30. 04. 42

«В спецотдел ходила. Особист-майор (такой у него взгляд колючий!) все о Лешке спрашивал. Когда в партию пришел, чем до войны занимался, что о партии говорил, как к немцам относился, о чем мне в письмах писал. И еще тьма вопросов и по 3 раза подряд. А как я о Леше спросила, так он кулаком по столу как грохнет! «Молчать! Я спрашиваю, ты отвечаешь! Молчать, я сказал!»

Я страхом и волнением изошла, пока перед ним сидела. Пальцем двинуть не могла, не то, что думать. Все силы на особиста уходят. Вышла, тогда хоть все обдумать смогла.

Зачем он Лешей интересовался? О его прошлом расспрашивал? О партии много вопросов и о немцах. Ох, не просто так это и нехорошо, точно нехорошо. Только б он уцелел!»

04. 05. 42

«Лешку расстреляли 3 дня назад, как врага народа. Все из-за того плена, вроде он виноват, что не умер там. А он сумел выжить, бежал, такого натерпелся, но пришел к себе, к своим. И уже свои его убили.

Один у меня остался – Сашка. Братик мой. Последний он в этом мире родной мне человек. Последний, но и единственный. Только б войну пережить нам обоим!»

07. 05. 42

«Среди всего этого ужаса голова кругом. А везде успеть нужно! И раненые, и операции, и стирка, и еще туча всего. Подумать времени нет, мысли в порядок привести.

У нас за госпиталем овражек есть. Он маленький был, да его война артподготовками да бомбежками расширила. Камышом весь порос, в нем и бревна трухлявые валяются, и легковушки остов сгоревший в глубине. Я там в источнике воду часто набираю. Так я там вчера куст розы нашла! Сама дикая, мелкая, но красивая-красивая! И белее снега. Я на нее не нарадуюсь. Кругом смерть, кровь и слезы, а она взяла и выросла. Вопреки и наперекор всему».

14. 05. 42

«Витя почти оправился (это он так всех уверяет налево-направо). Он сегодня меня просто ошаршил! Этот сорвиголова (сорвиголова потому, что когда и как он все это провернул,

ума не приложу) посреди госпиталя мне букет подарил, да какой! 20 ромашек, а в центре роза, та самая, белее снега! Встал за спиной и так громко: «Представь, что все это 21 белая роза. Это тебе!»

На меня как накатило. Мой первый букет в жизни, да еще славный такой! Аж слезы навернулись. Только «спасибо» и смогла пролепетать...»

17. 05. 42

«Раненых везут без остановки – третьи сутки на ногах. Сяду на 2 минуты, и такая усталость накатывает – встать не могу, будто из свинца руки-ноги. А надо. Кто ж о них еще позаботится?»

21. 05. 42

«Пехоту привезли – их газом травили. Страшные, черные, желтые и багровые, с пеной и конвульсиями! Что люди друг с другом делают! Сашка среди них – выглядит получше, но как же больно на него смотреть!»

22. 05. 42

«Люда на бегу сказала, что он глаза открыл! Я все бросила, примчалась. Сажу у Сашиной койки. Эти 20 минут я запомню до конца жизни. Сашка думал, что с братьями говорит. Не понимал, где он. Я все за ним писала:

«Колька, Лешка. Вы только держитесь друг за друга. Всегда и всюду. Война, мир, голод, потоп, неважно. В любой ситуации. Вы прежде всего братья, помните это. Мужья, отцы – это потом. А братья вы с рождения. Кто вас защитит, уберезет, выручит? Только брат. Любите друг друга. Всегда, везде, неважно все, у вас есть плечи, на которые всегда можно опереться. Никогда об этом не забывайте».

А братья-то уже в земле...

Он говорил быстро, задыхаясь, судорожно хватая воздух, спешил, как зная, что время его на исходе. Сашка хрипел, всхлипывая и булькая, хватаясь за живот, он пытался встать, но сил не было, и он падал обратно на койку, мышцы судорожно сокращались, его скручивало, он хрипел от боли и багровел от напряжения. Кадык носился вверх-вниз, слезы текли из немигающих глаз, уже губы его черные, совсем сухие, лопнули и сукровица вкупе с кровью, пузырясь и пенясь, потекла по щекам, а он все говорил: «И еще, хлопцы. Вы Светку берегите. Нет, не берегите, а глаз с нее не спускайте. Сами расшибитесь, а ее сохраните. Чтоб лишний раз даже слезы не лила. Мы мужики, у нас разговор короткий. Да – нет. Все! А к ней, к ней с душой надо. Тоньше, нежней, понимаете? Она у нас самая лучшая. Она самая светлая, Света, Светлана, свет. Она нам светит, жизнь, значит, нашу освещает. И нам её любить, всеми силами оберегать надо. Чтоб не потух этот лучик в нашей жизни.

Уразумели?»

Договорил, выдохнул, прикрыл глаза и умер...»

23. 05. 42

«Черно в мире, чернее черного все вокруг стало. Как в тумане, как пьяная, голова ватой набита, ни мыслей, ни чувств. Только ноги подламываются и на плечах как гора лежит. Упала и давит, давит нещадно и каждую секунду. Ходишь, делаешь что-то, а мысли все там, рядом с койкой остались, все в голове прокручиваешь, прикрыла глаза на миг, и Сашка тут

же. И слова, слова его в ушах постоянно».

30. 05. 42

«Всю неделю о братьях думала. Нет в жизни справедливости. Ни черта, ни Бога, ни партии, ни отца народов, что все видит. Трое братьев у меня. Всех себя Отечеству посвятили, все бросили и пошли за него воевать. Трое братьев моих. И Лешеньку, младшего, свои же Советы и расстреляли, только за то, что он жить хотел. Жить и защищать свою Родину и дальше. А его убили.

Я не знаю, переживу ли я войну (а то, что она закончится, я тешу себя надеждой). Что ждет меня хотя бы завтра, я тоже не знаю. Но я переживу это. Что бы ни случилось. Ради братьев.

Мне 20. Трое братьев уже мертвы. Вокруг – война и конца-края ей пока не видно. Я одна в этом мире, и положиться мне не на кого. Осталась только я одна. И я выживу! Даю себе слово.

Это моя последняя запись».

Я закрыл тетрадь. Поднял голову. Вокруг снова был 2010-й.

Писать подобное во времена Сталина могли только люди, уверенные в себе на все сто. И то, что она сохранила этот дневник, не уничтожила столь откровенную антисоветчину, найдя которую, ее бы посадили на много лет, свидетельствовало о силе духа, которой можно лишь позавидовать. В 20 лет в такой беспощадной ясности осознавать окружающий ее хаос и дать столь бескомпромиссное обещание? Перед глазами встал разительный контраст между тихой соседкой-старушкой и медсестрой военных лет, душа которой сплавилась в негибемый прут каленой стали.

Да, она свое слово сдержала.

И, несмотря на все лишения, она не озлобилась, не ожесточилась. Не напилась желчью и не отравляла жизнь другим, чтоб и те почувствовали всю горечь ее утрат. Нет! В нашем доме ее знали исключительно доброжелательной и открытой, милой и отзывчивой. Она, невзирая на все вынесенные муки, осталась Человеком.

И тем печальней, что я узнал об этом лишь сейчас.

Эпилог.

Неделю спустя, наврав что-то родителям о взносе в футбольную команду, я принес на могилу Светланы Филипповны букет. 21 белую розу.